

Научная статья

УДК 101.1

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-5-284-290

**АКАДЕМИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО:
УНИВЕРСИТЕТ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕАЛИЯХ
СОВРЕМЕННОГО КАПИТАЛИЗМА**

Павел Викторович Павлов

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия
pavlov2006@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-9700-5136, AuthorID РИНЦ: 402794*

Аннотация. *Целью статьи* является анализ академического лидерства как феномена современного высшего образования. Предлагается рассматривать этот феномен в контексте социально-экономических реалий современного капиталистического общества.

Методология исследования. *Статья базируется на теоретико-методологических подходах к исследованию университета в условиях современного капитализма. В методологическом плане определяющими стали работы Б. Ридингса, Т. Иглтона, С. Коллини, а также идеи З. Баумана о кризисе высшего образования.*

Результаты исследования. *Феномен академического лидерства на индивидуальном уровне и на уровне глобальной конкуренции между университетами определяется социально-экономическими реалиями современного капитализма. В свете этих реалий становятся прозрачными новации в сфере высшего образования: университет, подобно коммерческим предприятиям, ориентируется на корпоративные методы управления, «эффективность», рейтинги, формальные индикаторы оценки «качества» образования и научных исследований.*

Ключевые слова: *академическое лидерство, университет, высшее образование, капитализм, совершенство, качество образования, научное исследование, конкуренция, рейтинги*

Для цитирования: *Павлов П. В. Академическое лидерство: университет в социально-экономических реалиях современного капитализма // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 5. С. 284–290. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-284-290>.*

Благодарности: *статья выполнена в рамках реализации гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-239.2022.2) «Академическое лидерство в пространстве развития транспрофессиональной идентичности и формирования рынка новой экономики в условиях дигитализации и регионализации высшего образования».*

Original article

**ACADEMIC LEADERSHIP:
UNIVERSITY IN THE SOCIO-ECONOMIC REALITIES
OF MODERN CAPITALISM**

Pavel V. Pavlov

*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
pvpavlov2006@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-9700-5136, AuthorID RSCI: 402794*

Abstract. *The purpose of the study is to analyze academic leadership as a phenomenon of modern higher education. It is proposed to consider this phenomenon in the context of the socio-economic realities of modern capitalist society.*

Research methodology. *The article is based on theoretical and methodological approaches to the study of the university in the conditions of modern capitalism. Methodologically, the defining works were the works of B. Readings, T. Eagleton, S. Collini, as well as the ideas of Z. Bauman on the crisis of higher education.*

Research results. *The phenomenon of academic leadership at the individual level and at the level of global competition between universities is determined by the socio-economic realities of modern capitalism. In the light of these realities, innovations in the field of higher education become transparent: the university, like commercial enterprises, focuses on corporate management methods, «efficiency», ratings, formal indicators for assessing the «quality» of education and research.*

Keywords: *academic leadership, university, higher education, capitalism, excellence, quality of education, scientific research, competition, ratings*

For citation: *Pavlov P. V. Academic leadership: university in the socio-economic realities of modern capitalism // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(5): 284–290. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-284-290>.*

Acknowledgments: *the research was performed within the grant of the President of the Russian Federation for state support for the leading scientific schools of the Russian Federation (NSh-239.2022.2) «Academic leadership in the space of development of transprofessional identity and formation of the new economy market in the conditions of digitalization and regionalization of higher education».*

Введение. Среди множества различных новаций в сфере современной университетской жизни в последнее время выделяется феномен академического лидерства. Следует подчеркнуть, что этот феномен и современные дискуссии вокруг него представляют особый интерес, поскольку позволяют еще раз обратиться к проблеме непростой судьбы университета в современном мире и заново обозначить «болевы́е точки» нынешней системы высшего образования. Но современный

мир — это прежде всего мир капиталистический, поэтому мы неизбежно будем рассматривать феномен академического лидерства через призму социально-экономических реалий современного капитализма, которые сегодня самым существенным образом определяют жизнь университета.

Академическое лидерство: «совершенство», «качество» и современный капитализм. «Академическое лидерство»

(«academic leadership») — концепт, который все чаще упоминается в современных дискуссиях о «совершенствовании» системы высшего образования. Как отмечают исследователи, академическое лидерство предполагает нацеленность на «совершенство», повышение «качества преподавания» [2], а также стремление преподавателей (прежде всего профессоров) осуществлять свою профессиональную деятельность «наилучшим способом» [8]. Тем самым можно сказать, что «совершенство» и «качество» предстают как основные характеристики академического лидерства.

Ключевым моментом здесь, конечно, является идея «совершенства» («excellence»): согласно известной книге Билла Ридингса [6], написанной еще в начале 1990-х годов, суть современного университета как раз и состоит в «совершенстве», постоянном «совершенствовании» («дискурс совершенства»). Так, отмечает Б. Ридингс, классический университет, который восходит к модели Вильгельма фон Гумбольдта, был нацелен на формирование и развитие субъектов культуры, их «образование» (Bildung), поэтому классический университет — это прежде всего «университет культуры». Современный университет, будучи подчиненным движению глобального капитала, превращается в «бюрократическую корпорацию», для которой культура утрачивает всякое реальное значение. Содержательное понятие «культура» вытесняется, по словам Б. Ридингса, пустым и абстрактным «техно-бюрократическим понятием совершенства»: современный «университет совершенства» — это «симулякр идеи Университета» [6, с. 90]. И в этом смысле описываемый Б. Ридингсом феномен «университета в руинах» характеризует прежде всего радикальный кризис классического «университета культуры».

Современный университет под влиянием глобализации, развития глобального капитализма формирует потребителей. «Поэтому вопрос об Университете, — пишет Б. Ридингс, — это лишь вопрос об относительной денежной стоимости, вопрос, адресуемый студенту, который понимается исключительно как потребитель, а не как человек, желающий мыслить» [6, с. 48]. Университет через идею «совершенства», у которой «нет культурно-

го содержания», включается «в круговорот капитала и транснациональной политики»: «Совершенство отдает традиции Университета, сохранившиеся от предыдущей эпохи, на откуп рыночному капитализму. Преграды на пути свободной торговли рушатся» [6, с. 66]. Тем самым «единственным критерием совершенства является успешная деятельность на рыночных просторах» [6, с. 66].

Эта идея абстрактного «совершенства» как раз и определяет все нынешние новации в сфере высшего образования, которые, по сути, взяты из сферы бизнеса, из лексикона, характерного для современных коммерческих предприятий. Это и «стратегии развития» (или даже «стратегическая миссия» и «стратегическое видение»), различные рейтинги, формальные индикаторы оценки «эффективности» и «качества», «управление качеством». «Качество» образования, знаний, научных исследований оценивается количественными показателями — «количественными индикаторами качества». Академическое лидерство в этом смысле как раз и определяется через «совершенство» и «качество», и тем самым предполагается, что деятельность современного академического лидера должна, прежде всего, соответствовать формальным индикаторам и критериям «качества».

Однако отнюдь не у всех «стратегии» и новации, связанные в том числе и с «качеством», «совершенством», «лидерством», вызывают энтузиазм. «Прежде всего, нужно сказать, что те из нас, кто вертится в академических кругах и по-прежнему считает себя в первую очередь преподавателем и ученым, бояться слова “стратегический”. Словосочетание “формулировка стратегической миссии” (или еще хуже — “концепция стратегического видения”) внушает особый ужас, поскольку это основное средство, при помощи которого в академическую жизнь внедряются корпоративные методы управления», — пишет Дэвид Гребер в своей нашумевшей книге о «бредовой работе» [1, с. 97]. Речь идет, продолжает Д. Гребер, о создании и внедрении «количественных методов для оценки эффективности, из-за которых преподаватели и ученые вынуждены всё больше времени тратить на оценку и обоснование того, что у них остается всё меньше времени делать. Аналогичное подозрение вызывает и любой

документ, в котором постоянно используются слова “качество”, “передовой опыт”, “лидерство” или “стейкхолдер”» [1, с. 97].

Вполне понятно, что количественные методы оценки «качества» образования и исследований, формальные показатели «эффективности» весьма удобны для администрации, поскольку призваны обеспечить «управление персоналом» — «профессорско-преподавательским составом», который оказался вытесненным на периферию университетской жизни и, по сути, лишенным подлинного самоуправления. Столь же очевидно, что эти формальные показатели подменяют реальное существо дела — действительное преподавание и действительное научное исследование. Своим собственным подлинным делом науки и образования профессорско-преподавательскому составу просто некогда заниматься, поскольку большая часть времени и сил отдается «симулятивным» практикам — подготовке формальной отчетности, достижению неких показателей, придуманных бюрократией, а также бесконечному (и столь же формальному) составлению, обновлению и «совершенствованию» образовательных программ, рабочих программ дисциплин и т.д. На действительно значимую научную и преподавательскую работу просто не хватает времени и сил.

Вот что пишет в своей известной статье Терри Иглтон по поводу засилья бюрократии и управленческой идеологии в британских университетах и ее влияния на практики ученых: «В любом случае огромный рост бюрократии в британском высшем образовании, вызванный расцветом управленческой идеологии и жесткими требованиями государственной аттестации, означает, что у ученых теперь остается гораздо меньше времени на подготовку к занятиям, даже если они еще кажутся им достойным делом — что в последние годы представляется весьма сомнительным» [3, с. 111]. В приоритете оказываются иные формы деятельности — привлечение денежных средств, написание бесконечного числа статей для формальных рейтингов, постоянная подача заявок на гранты и т.д. «Для британского государства, — отмечает Т. Иглтон, — все финансируемые им научные исследования должны быть теперь частью так называемой экономики знаний, и их влияние

на общество должно стать измеримым... Те, кого не привлекают выгодные гранты от частного бизнеса или кто не может заинтересовать большее число студентов, переживают состояние хронического кризиса. Научные заслуги зависят от того, сколько денег вы способны заработать, в то время как хорошее образование приравнивается к трудоустройству» [3, с. 111].

Университет: основные проблемы в эпоху глобального капитализма. Социально-экономические реалии современности нередко порождают риторический вопрос, который Стефан Коллини [4] вынес в заглавие своей книги: зачем нужны университеты? И действительно, несмотря на стремительное увеличение числа различных высших учебных заведений статус университета продолжает неуклонно падать. В сегодняшних рыночных условиях университеты вынуждены доказывать свою значимость, конкурируя друг с другом. Университет утрачивает свою прежнюю «идентичность», свои классические ценности и предназначение, связанные с образованием и свободным развитием личности, субъекта. Современные высшие учебные заведения, ориентированные на «предпринимательские» стратегии, весьма и весьма далеки от гумбольдтовской модели классического университета или же от представлений о его высоком назначении, столь вдохновенно сформулированных во второй половине XIX века Джоном Генри Ньюменом в ставшей почти хрестоматийной работе «Идея университета» [5].

Впрочем, причина кризиса университета вполне понятна: эта причина — глобализация, современный глобальный капитализм. С этим согласны, пожалуй, все авторы, которые критически пишут о проблемах университета в современном мире. Так, Билл Ридингс, как уже отмечалось, связывает кризис классического университета с развитием глобального капитала, которому требуются потребители, а не субъекты культуры. Стефан Коллини, характеризуя историческую эволюцию британских университетов, указывает на то, что, «попробовав себя в роли семинарий, пансионов, колледжей государственных чиновников, хранителей культуры, воспитателей гражданского чувства и центров научных исследований» [4, с. 60], сегодня они

превратились в коммерческие предприятия, «в которых ученые выступают скорее сотрудниками низшего звена» [4, с. 45]. Что касается Терри Иглтона, то он прямо говорит о том, что университеты «капитулировали перед беспощадными приоритетами глобального капитализма» [3, с. 110].

И, быть может, самое худшее в произошедшем заключается в том, что Т. Иглтон называет утратой «критической дистанции». Университет — больше не место для критики, для критических исследований. Если традиционно университет так или иначе соблюдал «критическую дистанцию», которая позволяла размышлять над происходящими в обществе процессами, оценивать их (и тем самым обеспечивать возможность критического исследования общества и его противоречий), то в условиях современного капитализма эта дистанция практически полностью стирается, поэтому, как пишет Иглтон, «во всем мире неуклонно разворачивается событие», вполне эпохальное по своей значимости, — «медленная смерть университета как центра гуманитарной критики» [3, с. 109].

Современные университеты на манер коммерческих предприятий, крупных корпораций озабочены конкуренцией, «лидерством». Речь идет, конечно, о международной конкуренции университетов на глобальном рынке образовательных услуг. Академическое лидерство становится не только феноменом индивидуального преподавательского «совершенствования», но, в первую очередь, феноменом конкуренции университетов, каждый из которых стремится доказать свое «совершенство». Эта конкурентная борьба фиксируется в рейтингах, составленных на основе формальных индикаторов. Как пишет С. Коллини, индикаторы «наделены аурой точности и одновременно объективности, а потому, когда они соединяются с предпосылкой о конкуренции, могут породить не терпящий оговорки рейтинг. Сегодня ректоры следят за рейтингами так же нервно, как и футбольные менеджеры, а позиции, в них занимаемые, часто служат для оправдания того или иного изменения в стратегии» [4, с. 39]. В этом заключается «синдром рейтингов», в свете которого высшие учебные заведения различных стран стремятся попасть в некий «топ» лучших мировых универси-

тетов. Так, продолжает С. Коллини, если «в Британии обсуждение по большей части сводится к тому, могут ли Оксфорд, Кембридж и Имперский колледж “конкурировать” с Гарвардом, Стэнфордом или Массачусетским технологическим институтом», то «в некоторых других странах все внимание приковано к необходимости вывести один или несколько университетов в первые “50” или “100” университетов мира» [4, с. 39].

Каковы же стратегии представителей академического сообщества, пути формирования профессиональной идентичности в современной университетской среде, практически полностью подчиненной рыночным силам? В этом смысле интересны размышления Зигмунта Баумана, приведенные им в его книге об «индивидуализированном обществе» [7]. Так, рассматривая проблему кризиса высшего образования, З. Бауман выделяет две полярные стратегии университетских преподавателей в условиях современной социально-экономической реальности — стратегию принятия новой рыночной реальности, адаптации к ней и стратегию «крепости», «замыкания в себе». Первая стратегия предполагает адаптацию преподавателей университетов к существующим социально-экономическим реалиям, что выражается прежде всего в их готовности к новой роли менеджеров. Вторая — противоположная — стратегия подразумевает, напротив, сознательный и демонстративный отказ от «интеграции» в современные капиталистические реалии и уход в замкнутую сферу «чистого» академического знания.

Конечно, существует и множество промежуточных вариантов, в рамках которых преподаватели пытаются отыскать компромисс между этими стратегиями. Другое дело, насколько удачно удастся представителям академического сообщества пройти между этими двумя крайностями. Более того, как полагает З. Бауман, обе обозначенные полярные стратегии являются капитуляцией перед современными рыночными силами, поскольку, несмотря на свою противоположность, признают практически полную победу этих сил над прежними университетскими ценностями.

Налицо явная и притом радикальная смена приоритетов: в центре академической жизни оказывается не выдающийся ученый,

интеллектуал, исследователь, а менеджер. Академический лидер сегодня — это отнюдь не ученый и преподаватель, но прежде всего управленец. Об этом хорошо пишет С. Коллини: «Традиционно, когда пытались выяснить, для чего же нужны университеты, обращались к великим культурным героям интеллектуальных исканий начиная с Платона и афинской Академии, а в XX в. прославляли нобелевских лауреатов и увенчанных лаврами исследователей, чьи достижения, как считалось, определялись их затворнической жизнью, огражденной от многих тягот этого мира» [4, с. 40]. Однако современная университетская жизнь, подчиненная рыночным силам, — «отвлеченная, утонувшая в цифрах и помешавшаяся на аудите и грантах жизнь большинства современных факультетов», — понятным образом оказалась весьма далекой от традиционных академических идеалов: «Сегодня положение заслуженного академического сотрудника, особенно если он руководит кафедрой или исследовательским центром, во многих отношениях ближе к менеджеру среднего звена в коммерческой фирме, чем к положению независимого исследователя или преподавателя-фрилансера, а условия работы младшего или временного преподавателя в некоторых неблагополучных институтах могут в крайних случаях сближаться с условиями труда работников колл-центра» [4, с. 40]. Что же касается проректоров, то они, по сути дела, позиционируют себя в качестве топ-менеджеров. «Вместо самоуправления ученых здесь господствует иерархия: разветвленная и запутанная сеть бюрократии, младшие преподаватели — рабочие лошадки — и проректоры, которые ведут себя так, будто руководят “Дженерал Моторс”», — пишет Терри Иглтон о ситуации в большинстве современных британских университетах [3, с. 110].

Заключение. Феномен академического лидерства — как на уровне индивидуального преподавательского «совершенства», так и на уровне глобальной конкуренции между университетами — определяется социально-экономическими реалиями современного капитализма. Эти реалии вполне понятны, однако вряд ли следует останавливаться на простой констатации того факта, что университеты поглощены рыночными

силами. От серьезных критических вопросов нельзя отделаться простым оправданием «status quo». Так, вполне резонно спрашивает Б. Ридингс, почему «лучшим» и «хорошим» университетским преподавателем следует считать того, кто выполняет все требования, предусмотренные формально-бюрократическими показателями и рейтингами, и тем самым «наилучшим образом воспроизводит систему» [6, с. 46]? По крайней мере, продолжает существовать понимание того, что академическое лидерство не сводится к формально-должностным управленческим ролям: академический лидер — это не только менеджер и администратор, но, прежде всего, наставник, который действительным образом способствует приобщению университетской молодежи к академическому знанию и научным исследованиям [8]. Да и назначение самого университета отнюдь не сводится к зарабатыванию денег и конкуренции на рынке образовательных услуг. Тем более, что проблемы финансирования системы высшего образования и обеспечения доступа к бесплатному образованию можно во многом решить, по словам Т. Иглтона, «за счет повышения налогов для некоторых богатых до неприличия граждан и взыскания миллиардов, которые ежегодно исчезают из-за уклонения от уплаты налогов... Это также возродило бы почетное прошлое университета как одного из немногих мест в современном обществе (другое — искусство), где преобладающие идеологии могут подвергаться пристальному изучению» [3, с. 112]. «Конечно, — пишет Т. Иглтон, — образование должно реагировать на потребности общества. Но это не значит, что стоит полностью подчинять себя нуждам современного капитализма. В действительности, бросив вызов этой отчужденной модели обучения, можно удовлетворить нужды общества гораздо лучше» [3, с. 111]. Ведь все-таки общество по-прежнему остро нуждается в действительных, «неотчужденных» формах образования, которые способствуют свободному развитию человека.

Список источников

1. Гребер Д. Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда. М.: Ad Marginem Press, 2020. 440 с.

2. Другова Е. А. Ключевые характеристики программ преподавательского совершенства для академических лидеров. Обзор опыта высокорейтинговых университетов на материале зарубежных публикаций // Вопросы образования. 2019. №4. С. 8–29.

3. Иглтон Т. Медленная смерть университета // Alma mater (Вестник высшей школы). 2016. №2. С. 109–112.

4. Коллини С. Зачем нужны университеты? М.: ГУ ВШЭ, 2016. 264 с.

5. Ньюмен Дж. Г. Идея университета. Минск: БГУ, 2006. 208 с.

6. Ридингс Б. Университет в руинах. М.: ГУ ВШЭ, 2010. 304 с.

7. Bauman Z. The Individualized Society. Cambridge: Polity Press, 2001. 272 p.

8. Evans L. University professors as academic leaders: Professorial leadership development needs and provision // Educational management administration & leadership. 2017. Vol. 45. №1. Pp. 123–140.

References

1. Greber D. Bredovaja rabota. Traktat o rasprostranenii bessmyslennogo truda [Delusional work. A treatise on the spread of senseless labor]. Moscow: Ad Marginem Press, 2020. 440 p. (In Russ.).

2. Drugova E. A. Ključevye harakteristiki programm prepodavatel'skogo sovershenstva dlja akademicheskikh liderov. Obzor opyta vysokorejtingovyh universitetov na materiale zaru-bezhnyh publikacij [Key characteristics of teaching excellence programs for academic leaders. Review of the experience of highly rated universities based on the material of foreign publications]. *Voprosy obrazovanija* [Education issues]. 2019; (4): 8–29. (In Russ.).

3. Iglton T. Medlennaja smert' universiteta [The slow death of the University]. *Alma mater (Vestnik vysshej shkoly)* [Alma mater (Bulletin of the Higher School)]. 2016; (2): 109–112. (In Russ.).

4. Kollini S. Zachem nuzhny universitety? [Why are universities needed?]. Moscow: GU VShJe, 2016. 264 p. (In Russ.).

5. N'jumen Dzh. G. Ideja universiteta [The idea of a university]. Minsk: BGU, 2006. 208 p. (In Russ.).

6. Ridings B. Universitet v ruinah [University in Ruins]. Moscow: GU VShJe, 2010. 304 p. (In Russ.).

7. Bauman Z. The Individualized Society. Cambridge: Polity Press, 2001. 272 p.

8. Evans L. University professors as academic leaders: Professorial leadership development needs and provision. *Educational management administration & leadership*. 2017; 45(1): 123–140.

Статья поступила в редакцию 28.08.2023; одобрена после рецензирования 18.09.2023; принята к публикации 12.10.2023.
The article was submitted on 28.08.2023; approved after reviewing on 18.09.2023; accepted for publication on 12.10.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Павлов Павел Викторович — доктор философских наук, профессор кафедры «Социальные и гуманитарные науки» Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Pavel V. Pavlov — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Social Sciences and Humanities, Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia